

Часть I

ГЛАВА 1

Как Галип впервые увидел Рюю¹

Не пользуйся эпитафиями — они убивают тайну написанного.

Адли

Если же суждено ей умереть, то убей сам и тайну, и лжепророка, выдавшего ее.

*Бахти*²

Рюя спала, лежа ничком под уютным, теплым покровом голубого клетчатого одеяла, изгибавшегося мягкими лазоревыми холмами и тенистыми долинами. С улицы доносились первые звуки зимнего утра: проезжали редкие еще в этот час машины и старые автобусы; звякал своими кувшинами, ставя их на тротуар, продавец салапа³, обходящий квартал вместе с булочником; свистел в свисток постовой у стоянки долмушей⁴. Зимнее солнце, проникая в комнату сквозь синие занавески, наполняло ее серовато-голубым светом. Еще не сбросив с себя сон, Галип взглянул на жену: из-под одеяла виднелась только голова, уткнувшаяся подбородком в пуховую подушку. Было в ее положении что-то странное, что-то будившее тревогу и любопытство: какие, интересно, удивительные образы проносятся сейчас перед внутренним взором спящей? «Память, — написал однажды в своей колонке Джеляль, — это сад». «Сады снов, сады Рюйи, — произнес тогда про себя Галип, но тут же решил, что об этом нельзя думать. — Иначе начнешь ревновать!» Но сейчас, когда он глядел на лоб спящей жены, эта мысль снова вернулась к нему.

Галипу захотелось проникнуть сквозь закрытые двери сада Рюйи, спящей безмятежным сном, и пройти там по залитым солнечным светом дорожкам среди плакучих ив,

¹ Имя *Рюйя* переводится как «сон», «мечта».

² *Адли* и *Бахти* — вымышленные автором лица.

³ *Салеп* — традиционный турецкий напиток из клубней ятрышника.

⁴ *Долмуш* — микроавтобус, маршрутное такси.

акаций и вьющихся роз, даже если он там и будет — мысль об этом смущала и страшила его — не один. «О, и ты тоже здесь? Привет!» Возможно, он увидит не только те известные ему неприятные лица, которые готов был встретить, но и, к своему огорчению и любопытству, тени мужчин, для него в этом саду неожиданные. «Простите, а вы где встречали мою жену, где с ней познакомились?» — «Три года назад у вас дома... В школе, куда вы ходили вместе... У входа в кинотеатр, вы тогда держались за руки... А меня она увидела в иностранном журнале мод, который купила в лавке Аладдина...» Но, может быть, память Рюйи все-таки не столь перенаселена и жестока и ее сумеречный сад таит в себе хотя бы один-единственный залитый солнцем уголок, где Рюйя и Галип отправляются на лодочную прогулку? Через полгода после того, как Рюйя и ее родители переехали в Стамбул, она и Галип оба заболели свинкой. В те дни мама Галипа или красавица тетя Сузан, мама Рюйи, а иногда и та и другая сразу, взяв детей за руки, отправлялись на автобусе, трясущемся по брусчатым мостовым, в Бебек или Тарабью¹ покататься на лодке. В те годы болезни лютовали, а лекарствам веры не было, и считалось, что свежий воздух Босфора пойдет больным свинкой детям на пользу. Море по утрам было спокойным, лодка — белой, знакомый лодочник — приветливым. Мама и тетя садились на корме, а Галип и Рюйя — рядышком на носу, скрытые от глаз матерей за спиной лодочника. Так они и сидели, свесив за борт ноги с одинаково худыми лодыжками, а под ними медленно двигалось море; они смотрели на водоросли, радужные пятна мазута и мелкую полупрозрачную гальку, на которой лежали обрывки газеты. Шрифт можно было разобрать, и Рюйя с Галипом пытались разглядеть, нет ли там статьи Джелая.

¹ Бебек и Тарабья, а также упоминающиеся далее в книге Нишанташи, Сиркеджи, Каракёй, Аксарай, Джихангир, Шехзадебаша, Бейоглу, Махмутпаша, Умранийе, Топхане, Галатасарай, Бакыркёй, Сютлюдже, Эмирган, Бююкдере, Сулукуле, Шишли, Карагюмрюк, Тепебаша, Талимхане, Касымпаша, Харбийе, Куртулуш, Силиврикапы, Бешикташ, Явуз-Султан, Ферикёй, Ункапаны, Шишхане, Фындыклы, Зейрек, Джибали, Эйюп — районы европейской части Стамбула.

В тот день, когда Галип впервые увидел Рюю — за полгода до того, как они заболели свинкой, — он сидел на табурете, водруженном поверх обеденного стола, и его стриг парикмахер. Этот рослый парикмахер с усами как у киноактера Дугласа Фэрбенкса каждый будний день приходил к ним домой брить Дедушку. Это было в те времена, когда перед лавками Араба и Аладдина выстраивались очереди за кофе, когда контрабандисты торговали нейлоновыми чулками, на стамбульских улицах становилось все больше «шевроле-56», а Галип пошел в начальную школу и пять раз в неделю внимательно читал в газете «Миллийет» колонку Джелеля, публиковавшуюся на второй странице за подписью Селим Качмаз. Читать, впрочем, он научился не тогда, а двумя годами ранее. Грамоте его научила Бабушка. Они садились за обеденный стол, и Бабушка хриплым голосом начинала говорить о самом великом волшебстве — о том, как сочетать друг с другом буквы. Потом она выдыхала дым сигареты «Бафра», которую никогда не выпускала изо рта, у внука от дыма слезились глаза, и большущая лошадь, нарисованная на первой странице букваря¹, расплывалась и словно бы оживала. Эта лошадь, под которой так и было написано: «Лошадь», выглядела крепче костлявых кляч, тянувших телеги хромого водовоза и пройдохи старьевщика. Галип размышлял о том, как здорово было бы капнуть на могучую лошадь волшебного снадобья, чтобы она ожила, но впоследствии, не допущенный сразу во второй класс и принужденный сизнова, теперь уже в школе, изучать все тот же букварь с той же лошадейю, он счел свое желание глупым. И если бы Дедушка, как обещал, вышел на улицу и принес домой заветное снадобье в бутылочке гранатового цвета, то Галип капнул бы его на страницы старых, времен Первой мировой войны, пыльных номеров журнала «Иллюстрасьон», переполненных фотографиями цепелинов, пушек и лежащих в грязи убитых солдат, на открытки, которые дядя Мелих присылал из Парижа и Марокко,

¹ С буквы «а» начинается турецкое слово at (лошадь).

на вырезанный Васыфом из газеты «Дюнья» снимок самки орангутанга, кормящей грудью детеныша, и на людей со странными лицами, изображения которых вырезал из газет Джеляль. Но Дедушка уже никуда не выходил, даже в парикмахерскую. Все дни он проводил дома, однако одевался так же, как и в те времена, когда, бывало, выбирался на улицу, чтобы дойти до лавки: старый английский пиджак с широкими лацканами, такой же свинцово-серый, как отраставшая за выходные Дедушкина щетина, потертые брюки, запонки и «чиновничий галстух-шнурок», как называл Отец этот предмет одежды. Мама говорила не «галстух», а «галстук», потому что происходила из более состоятельной (в прошлом) семьи. Отец и Мама говорили о Дедушке так, словно речь шла о каком-нибудь старом деревянном доме с облупившейся краской, из тех, которых с каждым днем в городе становилось все меньше; если через некоторое время, забыв о Дедушке, они начинали повышать друг на друга голос, то, вспомнив о Галипе, поворачивались к нему: «Ну-ка, иди наверх, поиграй там!» — «Можно на лифте?» — «Скажи ему, чтобы один в лифт не садился!» — «Один в лифт не садись!» — «А можно поиграть с Васыфом?» — «Нет, он будет сердиться!»

На самом деле Васыф не сердился. Он был глухонемой, но отлично понимал — если я молча ползаю по полу, то не потому, что насмехаюсь над ним, а потому, что играю в «потайной ход»; залезая под кровать, я оказываюсь в глубине пещеры, или проникаю в темное подземелье под нашим домом, или тихо, как кошка, пробираюсь по туннелю, ведущему к вражескому окопу. Кроме Васыфа и Рюйи, которая появилась позднее, никто об этом не знал. Иногда мы вместе с ним подолгу смотрели в окно на трамвайные пути. Одно из окон нашего бетонного эркера выходило на мечеть — и это был один край мира, другое — на женский лицей, противоположный край. Посредине располагались полицейский участок, огромный каштан, перекресток и лавка Аладдина, в которой шла оживленная торговля. Мы глядели на людей,

заходящих в лавку и выходящих из нее, указывали друг другу на проезжающие по улице машины, и порой Васыф, внезапно разволновавшись, издавал страшный хриплый крик, словно боролся во сне с шайтаном. Я испуганно вздрагивал. Тогда Дедушка (они с Бабушкой сидели неподалеку, друг против друга, в низких креслах, слушали радио и дымили сигаретами, словно два паровоза) говорил Бабушке, которая пропускала его слова мимо ушей: «Васыф снова напугал Галипа, — и не столько из любопытства, сколько по привычке спрашивал: — Ну что, много вы там машин насчитали?» Но моего ответа о числе «доджей», «паккардов», «де-сото» и новых «шевроле» не слушал.

Радиоприемник, на котором стояла статуэтка спокойного пушистого песика, совсем не похожего на турецких собак, был включен с утра до вечера. Бабушка и Дедушка слушали европейскую и турецкую музыку, новости, рекламу банков, одеколонов и государственной лотереи и все время разговаривали. Очень часто, не выпуская изо рта сигареты, сетовали на свою привычку к курению — так жалуются на нескончаемую зубную боль человек, давно к ней привыкший; винули друг друга в том, что никак не могут бросить, а если кто-нибудь из них начинал задыхаться от кашля, другой принимался твердить: «Вот видишь, бросать надо!», сначала торжествуя, а потом с тревогой и раздражением. Совет этот тут же вызывал нешуточную злость: «Только и осталось в жизни что сигареты, отстань, ради Аллаха!», а потом: «В газетах пишут, что курение успокаивает нервы!» Тут они могли замолчать, но тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов, что доносилось из коридора, продолжалась недолго. Они говорили и говорили, шурша газетными страницами, и после обеда, когда играли в карты, и вечером, когда обитатели дома сходились поужинать и послушать радио. Прочитав в газете колонку Джеляля, Дедушка заявлял: «Может быть, если бы ему разрешили подписывать статьи своим именем, он бы образумился». «Взрослый ведь уже человек!» — вздыхала Бабушка

и с неподдельным любопытством, будто ее только что осенило, задавала свой неизменный вопрос: «А вот интересно, он так плохо пишет потому, что ему не разрешают подписываться своим именем, или ему не разрешают подписываться своим именем потому, что он так плохо пишет?» «По крайней мере, — как обычно, утешал ее и себя Дедушка, — раз статьи выходят не за его подписью, мало кто догадывается, что это он нас позорит». «Да никто не догадывается, никто, — отвечала Бабушка с уверенным видом, хотя Галип видел, что уверенность это деланая. — Разве кто-нибудь когда-нибудь говорил, что он о нас пишет в своих статьях?» «Да брось ты, — говорил Дедушка тоном посредственного актера, который в сотый раз повторяет надоевшую и оттого немного фальшиво звучащую реплику, — кто же не знает, что в той статье о доме он имел в виду именно нас, наш дом!» На это Бабушка ничего не отвечала. Впоследствии Джелиль, теперь каждую неделю получающий сотни писем от читателей, снова опубликует упомянутую Дедушкой статью, немного подправив ее, уже под своим настоящим, к тому времени громким именем, как и некоторые другие статьи прежних лет. Одни объяснят это истощением творческих сил, другие — недостатком времени, растроченного на женщин и политику, третьи попросту спишут на лень.

Бабушка молчала, а Дедушка начинал рассказывать сон, тогда еще новый для него, а впоследствии являвшийся довольно часто. Этот сон, как и те истории, что они день за днем друг другу рассказывали, был синего цвета; непрерывно шел лазурный дождь, и оттого у Дедушки быстро отрасли волосы и борода. Рассказывая, Дедушка увлекался, у него загорались глаза. Бабушка, терпеливо выслушав его, говорила: «Скоро парикмахер придет», но Дедушку это не радовало. «Он слишком много говорит и слишком много задает вопросов!» Пару раз Галип слышал, как после разговора о синем сне и парикмахере Дедушка еле слышно шептал: «Надо нам было строить другой дом, в другом месте. Этот получился несчастливый».

Много позже, когда они этаж за этажом продали Шехрикальп¹ и переехали, а в нем, оставленном, как и во всех окрестных домах, расположились магазинчики готового платья, кабинет гинеколога, промышленяющего нелегальными абортами, и страховая контора, Галип, проходя мимо лавки Аладдина и косясь на некрасивый мрачный фасад, каждый раз задумывался, что же могло заставить Дедушку так говорить. Впрочем, он еще в детстве догадывался, что под «несчастьем» Дедушка подразумевал поведение своего старшего сына, дяди Мелиха, отличавшегося странностями. Однажды тот бросил первую жену с сыном и уехал за границу, а потом, много лет спустя, вернулся с новой женой и дочерью (то есть с Рюейей), причем его долгий обратный путь из Европы в Стамбул и родительский дом пролегал через Африку и Измир. Каждый раз, приходя брить Дедушку, парикмахер не из любопытства, а просто по привычке спрашивал: «Эфенди, а ваш старший-то когда из Африки возвращается?», и Галип видел, что этот вопрос и сама эта тема Дедушке совсем не нравятся.

Через много лет Джеляль рассказывал Галипу, что, когда дом начинали строить, дядя Мелих (ему тогда не исполнилось и тридцати) еще не уехал. По вечерам дядя покидал свою адвокатскую контору, в которой не столько работал, сколько ссорился со всеми и рисовал карандашом на страницах старых дел корабли и необитаемые острова, и отправлялся на стройку в Нишанташи повидаться с отцом и братьями, которые приходили туда из Каракёя, где держали аптеку, и Сиркеджи, где у них была кондитерская лавка (позже превращенная в ресторан), — туда они перебрались, не выдержав конкуренции с магазином Хаджи Бекира и его лукумом и понимая, что в Сиркеджи варенье из айвы, инжира и вишни, которое варила и разливала по банкам Бабушка, будет пользоваться бóльшим спросом. Явившись на стройку, дядя Мелих снимал пиджак и галстук, засучивал

¹ В Турции существует обычай давать домам названия. *Шехрикальп* означает «Город сердца».

рукава и сам принимался за дело, чтобы подбодрить строителей, которые, предвкушая конец рабочего дня, трудились с ленцой. Примерно в то время дядя Мелих начал говорить, что надо бы отправить кого-нибудь во Францию и в Германию — изучить, как поставлено кондитерское дело в Европе, заказать красивую бумагу для упаковки засахаренных каштанов, открыть вместе с французами производство разноцветного пенящегося туалетного мыла, купить по дешевке в Европе и Америке оборудование разоряющихся по причине кризиса фабрик, а заодно и рояль для тети Хале, и показать глухого Васыфа хорошему отоларингологу и психоневрологу. Через два года дядя Мелих и Васыф отплыли в Марсель на румынском теплоходе «Тристана», фотографию которого, пахнущую розовой водой, Галип позже видел в одной из Бабушкиных шкатулок (а Джеляль через восемь лет нашел среди газетных вырезок Васыфа заметку о том, что «Тристана» затонула в Черном море, наткнувшись на плавучую мину). В то время дом уже был достроен, но туда еще не переехали. Васыф вернулся год спустя на поезде, один и, «конечно же», по-прежнему глухой и немой (это «конечно же» всякий раз, когда разговор заходил на данную тему, произносила тетя Хале с каким-то особенным выражением, загадку которого Галип не мог понять долгие годы), но в руках он крепко держал аквариум с золотыми рыбками. Поначалу Васыф никак не мог расстаться с ним и все смотрел на своих рыбок, то забывая дышать от восторга, то утирая наворачивающиеся на глаза слезы. (Через пятьдесят лет он по-прежнему будет водить дружбу с прапраправнучками тех рыбок.) В то время Джеляль с матерью занимали третий этаж, однако позже сдали свою квартиру одному армянину, поскольку дядя Мелих нуждался в средствах, чтобы продолжать свои исследовательские прогулки по парижским улицам, и переехали в тесную мансарду, которая одно время использовалась как кладовая. Когда письма от дяди Мелиха стали приходить реже — письма, где он в основном сообщал рецепты конфет и пирожных и способы производства мыла и одеколона (в конверты часто бывали вложены также фотографии артистов и балерин, вку-

шающих эти сласти и пользующихся этой парфюмерией), когда реже стали приносить посылки, где среди мятной зубной пасты, засахаренных каштанов и конфет с ликером могла оказаться игрушечная пожарная машина или матросская бескозырка, мать Джеляля начала размышлять, не переехать ли ей вместе с сыном в деревянный дом в Аксаре, где жили ее мать и отец, мелкий чиновник. Пока она размышляла, началась мировая война, и последней каплей стала коричнево-белая открытка, изображающая самолет на фоне мечети с каким-то странным минаретом, которую дядя Мелих прислал из Бенгази¹. На оборотной стороне он писал, что маршруты, по которым он мог бы вернуться на родину, заминированы. Позже он прислал еще несколько открыток, уже черно-белых, из Марокко, куда перебрался после войны. Получив очередную открытку с раскрашенным от руки изображением отеля в колониальном стиле (позднее там снимали американский фильм про торговца оружием и шпиона, которые влюбились в официантку местного бара), Бабушка и Дедушка узнали, что дядя Мелих женился на девушке из турецкой семьи, с которой познакомился в Марракеше², что девушка эта происходит из рода пророка Мухаммеда и очень красива. (В детстве Галип любил разглядывать флаги, свисавшие с балконов второго этажа, и определять, каким странам они принадлежат, а много позже, когда открытка однажды снова попала ему на глаза, он, размышляя в той же манере, что и Джеляль в статьях о «бандитах Бейоглу», сказал себе, что в одном из номеров отеля цвета пирожного с кремом было «брошено семя» Рюйи.) Когда через полгода следующая открытка пришла уже из Измира, поначалу никто не мог поверить, что ее отправил дядя Мелих, поскольку все уже решили, что в Турцию он больше никогда не вернется; ходили слухи, что они с новой женой приняли христианство, вместе с группой миссионеров отправились в Кению и там, в долине, где львы охотятся на трехрогих антилоп, построили храм

¹ *Бенгази* — город в Ливии.

² *Марракеш* — город в Марокко.

некой секты, объединившей Полумесяц и Крест. А один сплетник, знакомый с живущими в Измире родственниками новой жены дяди Мелиха, уверял, будто темные делишки, которые тот обтяпывал на севере Африки в годы войны (торговля оружием, взятка одному королю и тому подобное), сделали Мелиха миллионером; что, будучи не в силах противиться прихоти жены, которая, кстати, сказочно красива, он собирается отправиться с ней в Голливуд на поиски славы, а ее фотографии уже сейчас публикуют журналы североафриканских колоний Франции, и так далее, и тому подобное. А дядя Мелих меж тем прислал открытку (она несколько недель путешествовала по дому с этажа на этаж и в конце концов оказалась изрядно потертой, оттого что всякий норовил поскрести ее ногтем, словно сомнительную денежную купюру), где сообщал, что от тоски по родине буквально слег в постель и именно поэтому они с женой решили вернуться в Турцию. «Сейчас» у них все хорошо, он готовится принять дела у тестя, торгующего инжиром и табаком, с тем чтобы вести их сообразно новым, современным представлениям о коммерции. Вскоре от дяди пришла еще одна открытка, написанная крайне неразборчивым почерком. На каждом этаже ее истолковали по-своему — возможно, в связи с затронутым в ней вопросом об акциях, который в будущем станет причиной раздоров в семействе; но Галип, прочитав открытку впоследствии, обнаружил: дядя Мелих вполне недвусмысленно сообщал в ней о своем желании вскоре вернуться в Стамбул, а также о рождении дочери — какое имя ей дать, тогда еще не договорились.

Имя Рюйи Галип впервые прочитал на одной из открыток с изображениями церквей, мостов, башен, морских пейзажей, кораблей, мечетей, барханов, пирамид, отелей, парков и животных, которые Бабушка затыкала за рамку огромного зеркала, стоявшего на буфете, где хранились ликерные наборы. Среди этих открыток, образовавших своего рода вторую рамку (что порой злило Дедушку), было и несколько детских фотографий Рюйи. В то время Галипа больше

интересовала не двоюродная сестра, или, по-новому, кузина (его ровесница, как ему сообщили), а ее мать, тетя Сузан из рода Пророка, которая печально смотрела в камеру, отводя одной рукой полог из сетки, образующей черно-белую, сказочную и немного пугающую сонную пещеру, а другой указывая на лежащую в этой пещере дочь. Когда фотографии Рюйи передавали из рук в руки, все обитатели дома, и мужчины и женщины, на миг замолкали, словно о чем-то задумавшись; впоследствии Галип понял, что причиной тому была именно красота тети Сузан. А говорили в то время по большей части о том, когда же дядя Мелих с семьей переберется в Стамбул и на каком этаже они будут жить. Дело в том, что после смерти матери, второй раз вышедшей за адвоката и скончавшейся совсем молодой от загадочной болезни, которую каждый врач называл по-своему, Джеляль уже не мог и не хотел жить в Аксараяе, в доме с заросшими паутиной углами; по настоянию Бабушки он вернулся под родной кров и поселился в мансарде. В то время он уже работал в газете, где впоследствии, поначалу под псевдонимом, начал печатать его постоянную колонку. Ходил на футбол, пытаясь разнюхать, не был ли матч договорным. Взхлеб писал о загадочных преступлениях, мастерски совершаемых удалцами из баров, притонов и борделей в переулках Бейоглу. Составлял кроссворды, в которых черных клеточек каждый раз оказывалось больше, чем белых. Если автор романов с продолжением не находил в себе сил писать после попойки, сочинял очередную главу о приключениях его героев. Время от времени творил для рубрик «Определяем характер по почерку», «Толкование сновидений», «Лицо и личность», «Гороскоп на сегодня» (именно в астрологических заметках он впервые начал передавать непонятные посторонним приветы своим родственникам, знакомым и, как утверждали некоторые, возлюбленным) и «Хочешь — верь, хочешь — нет». В оставшееся время он строчил рецензии на последние американские фильмы (в кинотеатры его пускали бесплатно). Говорили, что если

он и дальше будет жить на чердаке, то при таком трудолюбии сможет, работая в газете, скопить достаточно денег для женитьбы. Однажды утром, увидев, что старинную брусчатку на трамвайных путях в одночасье невесть закатали под асфальт, Галип подумал, что «несчастье», о котором говорил Дедушка, как-то связано, может быть, с этой странной теснотой в доме, с постоянной нехваткой места, рождавшей неопределенно гнетущее ощущение. Когда дядя Мелих, словно в отместку за то, что его открытки не принимали всерьез, однажды вечером неожиданно объявился в Стамбуле со своей красивой женой, красивой дочерью, а также с чемоданами и сундуками, он, разумеется, поселился на чердаке у Джелиля.

В то весеннее утро Галип опоздал в школу, причем сначала ему приснилось, что он опоздал. Во сне он ехал в автобусе прочь от школы, где должны были читать последние страницы букваря, а рядом сидела незнакомая красивая девочка с голубыми волосами. Когда он проснулся, оказалось, что проспал не только он, но и Отец. Они с Мамой завтракали; на стол под клетчатой скатертью, похожей на белоголубую шахматную доску, падали лучи недавно вставшего солнца. Говорили о приехавших вчера вечером и поселившихся в мансарде — причем так, будто речь шла не о родственниках, а о мышах, которые завелись в доме, или же так, как горничная Эсма-ханым говорила о джиннах и призраках. Галипу не хотелось думать о том, что он проспал и теперь ему стыдно идти в школу, и о новых жильцах мансарды думать тоже не хотелось. Он пошел на этаж к Бабушке и Дедушке, где все всегда повторялось в неизменном порядке, но парикмахер, бривший Дедушку, как раз расспрашивал о новоприбывших, и тому это, похоже, не нравилось. Открытки, заткнутые за раму зеркала, рассыпались, в комнате появилось несколько незнакомых странных предметов и стоял новый запах, который Галип позже так полюбит. Внезапно ему стало как-то тоскливо и страшно, в душе проснулись смутные желания: хотелось побывать в странах, запечатленных на открытках, хотелось познакомиться с кра-

сивой тетей, которую он видел на снимках. Вот бы поскорее вырасти и стать мужчиной! Когда он сказал, что хочет постричься, Бабушка обрадовалась, но парикмахер, как и большинство болтунов, не отличался понятливостью: он посадил Галипа не в Дедушкино кресло, а на табурет, водруженный поверх обеденного стола. К тому же полотенце, которое парикмахер снял с Дедушки и крепко повязал вокруг шеи Галипу, было для мальчика слишком большим и мало того что едва не душило его, так еще и спускалось ниже колен, словно девчоночье платье. Много позже, уже после их с Рюей свадьбы, которая, как подсчитал Галип, состоялась ровно через девятнадцать лет девятнадцать месяцев и девятнадцать дней после первой встречи, иногда по утрам, проснувшись и взглянув на уткнувшуюся в подушку голову жены, он думал, что голубое одеяло, укрывающее Рюю, одного цвета с полотенцем, которое парикмахер повязал ему тогда, сняв с Дедушки, и потому вызывает у него такое же чувство тревоги. Но жене он об этом никогда не говорил — может быть, потому, что знал: она не станет менять пододеяльник из-за подобного пустяка.

Решив, что газета наверняка уже лежит под дверью, Галип осторожно и бесшумно, как давно привык, встал с кровати, но ноги повели его не к входной двери, а в ванную, а потом на кухню. Чайника на кухне не было; Галип пошел в гостиную, но нашел там только заварочный. Судя по тому, что медная пепельница была до краев наполнена окурками, Рюя засиделась тут до утра, читая новый детектив. Или не читая. Чайник обнаружился в ванной. Из-за недостаточного напора воды для ее подогрева они пользовались не устрашающего вида сооружением, именуемым колонкой, а чайником, который у них был один — второго так пока и не купили. Иногда, перед тем как заняться любовью, они, как когда-то Бабушка и Дедушка, как Отец и Мама, тихо, но нетерпеливо ждали, пока не согреется вода.

Однажды, во время очередной ссоры, начавшейся со слов «брось ты наконец курить», Бабушка, обвиненная в неблагодарности, заявила, что хотя бы один раз встанет

с постели позже Дедушки. Васыф это видел, а Галип слышал и пытался уразуметь, что́ Бабушка хочет этим сказать. Джелиаль позже развил тему в своей колонке, но не в том смысле, который имела в виду Бабушка. «Не рожать при свете солнца, — писал он, — вставать до рассвета — вот деревенские обычаи. Есть и еще один: жена должна подниматься с постели прежде мужа». Дочитав до конца статью, в которой автор почти в точности знакомил читателей с утренним ритуалом Бабушки и Дедушки (пепел от сигарет на одеяле, вставные зубы, лежащие в том же стаканчике, что и зубная щетка, быстрый и привычный просмотр некрологов в газетах), Бабушка сказала: «Мы, стало быть, деревенщина!» А Дедушка ответил: «Чтобы он понял, что это такое, надо его по утрам кормить чечевичной похлебкой!»

Галип сполоснул чашки, поискал чистую тарелку, вилку и нож, достал из пропахшего бастурмой холодильника брынзу, похожую на пластмассу, и оливки, согрел воду, побрился. Ему казалось, что шум должен был разбудить Рюю, но она не проснулась. Потом он пил не успевший настояться чай, жевал черствый хлеб и оливки с тимьяном, смотрел на сонные слова, напечатанные в пахнущей свежей типографской краской газете, которую он принес от двери и положил на стол рядом с тарелкой, но думал о другом: хорошо бы вечером сходить к Джелиалю или в кинотеатр «Конак». Он пробежал взглядом по колонке Джелиаля, решил, что прочтает ее вечером после кино, но упрямые глаза все-таки разобрали первое предложение. Оставив развернутую газету на столе, он встал, надел пальто и уже собирался выйти, но вместо этого зашел в спальню и некоторое время внимательно, безмолвно и почтительно смотрел на жену. Потом повернулся, тихонько открыл дверь и вышел из дому. На лестнице, застланной новыми половиками, пахло влажной пылью и грязью. На улице было холодно и слякотно, в воздухе плыл черный угольный и мазутный дым из труб Нишанташи. Выдыхая изо рта облачка пара, Галип пробрался между кучами лежащего на тротуаре мусора и встал в длинную очередь на остановке долмушей.

На противоположной стороне улицы старик, одетый вместо пальто в пиджак с поднятым воротником, покупал у разносчика пирожки, выбирая только те, что с сыром, — с мясом не брал. Галип вдруг выбежал из очереди, завернул за угол, сунул деньги газетчику, развесившему свой товар на двери, взял газету «Миллийет», свернул ее и зажал под мышкой. Ему вспомнилось, как однажды Джеляль насмешливо рассказывал о пожилой читательнице, подражая ее голосу: «Ах, Джеляль-бей, Мухаррем и я так любим вашу колонку, и до того, бывает, нам не терпится ее прочитать, что мы покупаем сразу два экземпляра „Миллийет“!» Они тогда все вместе посмеялись: Галип, Рюя и Джеляль. Успев изрядно промокнуть под заморосившим противным дождем, Галип протолкался в долмуш, где пахло мокрой тканью и табачным дымом. И поскольку пассажиры были не склонны затеять общий разговор, он тщательно, с наслаждением истинного любителя газет сложил свежий номер так, чтобы видно было только колонку на второй странице, рассеянно взглянул в окно и начал читать свежую статью Джеляля.

ГЛАВА 2

Когда отступят воды Босфора

Нет и не может быть ничего удивительнее жизни.
Кроме написанного человеком слова.

Ибн Зерхани¹

Вы заметили, что воды Босфора отступают? Вряд ли. В наши дни, когда мы убиваем друг друга с удовольствием и восторгом веселящихся на празднике детей, мало кто интересуется тем, что происходит в мире. Даже эту колонку вы наспех просматриваете или в толчее на пристани, или на площадке переполненного автобуса, или сидя в тряске долмуше, и буквы прыгают у вас перед глазами. А я эту новость увидел в одном французском геологическом журнале.

Оказывается, температура воды в Черном море повышается, а в Средиземном — понижается. В результате дно морей прогибается и вспучивается, в нем образуются огромные пещеры, которые заполняет вода; одновременно — и в связи с теми же тектоническими процессами — начинает подниматься дно проливов Гибралтар, Дарданеллы и Босфор. Один из рыбаков, с которыми я недавно разговаривал на берегу Босфора, рассказал, что его лодка села на мель там, где когда-то он бросал якорь на цепи длиной с минарет, и спросил: «Неужели это совсем не интересует нашего премьер-министра?»

Этого я не знаю. Но я знаю, что нас ждет, и уже очень скоро, в результате этих процессов, скорость которых, как сообщают ученые, все возрастает. Несомненно, в ближайшем будущем райское место, которое называют Босфором, превратится в отвратительное болото, где остовы галеонов, покрытые черной грязью, будут скалиться, словно жуткие

¹ *Ибн Зерхани* — вымышленное автором лицо.

зубастые призраки. Нетрудно представить себе, что после жаркого лета это болото местами высохнет, словно русло скромной речки, снабжающей водой какую-нибудь деревеньку, а на склонах, обильно орошаемых нечистотами из тысяч широких труб, даже зазеленеет трава и расцветут ромашки. Девичья башня¹ будет грозно возвышаться на вершине холма, словно настоящая крепость, а внизу, в глубокой дикой долине, начнется совсем новая жизнь.

Я говорю о новых кварталах, которые станут множиться на грязном пустом пространстве, некогда именовавшемся Босфором. Вырастающие за одну ночь лачуги, бары, увеселительные заведения, луна-парки с каруселями, игорные притоны, мечети, текке², штаб-квартиры марксистских фракций, подпольные цеха, производящие изделия из пластмассы и нейлоновые чулки... Никаких муниципальных служащих, снующих туда-сюда с предписаниями об уплате штрафа, не хватит, чтобы это все упорядочить. Посреди этого хаоса, сравнимого разве что с тем, что настанет в день Страшного суда, будут торчать остовы лежащих на боку пароходов прошлого века и зиять прогалины, усыпанные бутылочными крышками и дохлыми медузами. Вблизи американских трансатлантических лайнеров, севших на мель в тот день, когда в одночасье отступили воды, обозначатся подернутые водорослями ионические колонны, а среди них — застывшие с распахнутыми ртами и молящиеся неведомым доисторическим богам скелеты кельтов и ликийцев. Я могу представить себе, что эта цивилизация, выросшая среди облепленных мидиями византийских сокровищ, серебряной и жестяной кухонной утвари, бочек с вином, пролежавших на дне тысячу лет, остроносых галер и бутылок из-под газировки, будет черпать топливо для своих древних печей и лампад из старого румынского танкера, чей винт увяз в тине. Но главное, к чему нам необходимо готовиться, вот что: в этой проклятой котловине, орошаемой темно-зелеными

¹ *Девичья башня* — сооружение на одном из островов Босфора, в разные времена служившее сторожевой вышкой, маяком, таможней.

² *Текке* — обитель дервишей.

водопадами нечистот всего Стамбула, в этом сохнущем болоте, где из-под земли, усеянной трупами дельфинов, камбалы и меч-рыб, будут сочиться ядовитые газы, в этом новом раю для бесчисленных крысиных орд вспыхнет эпидемия совершенно новой, неизвестной болезни. Я уверен в этом и предупреждаю: катастрофа, что разразится в районе, который будет объявлен запретной зоной и огорожен ключей проволокой, затронет нас всех.

С балконов, откуда некогда любовались серебристым лунным светом, играющим на шелково-гладких водах Босфора, мы будем смотреть, как мерцает синеватым светом дым от костров, — это поспешно жгут мертвых, которых нет возможности похоронить. Сидя за столиками, где прежде пили раки¹ и наслаждались головокружительно свежим ароматом багрянника и жимолости, мы будем вдыхать едкую, обжигающую ноздри вонь гниющих трупов, смешанную с запахом плесени. На набережных, где сейчас выстраиваются с удочками рыбаки, будут слышны не навевающие покой песни босфорских течений и весенних птиц, а дикие крики несчастных, объятых страхом смерти и пытающихся убить себе подобных всем тем, что тысячи лет люди бросали в воду, испугавшись очередного повального обыска: всевозможными мечами, кинжалами, заржавевшими палашами и пистолетами. Те стамбульцы, что прежде жили на берегу пролива и по вечерам, возвращаясь с работы домой, пониже опускали стекла автобусов, чтобы вдохнуть морской запах, будут, наоборот, затыкать все щелки в этих самых окнах газетами и тряпками, чтобы внутрь не проникла вонь гниющих трупов и грязи из страшного мрака внизу, прореженного то тут, то там сполохами пламени. В прибрежных кафе, куда раньше вместе с нами посмотреть на морскую регату сходились продавцы воздушных шаров и печенья, мы будем наблюдать кроваво-красные взрывы мин, взлетающих на воздух вместе с наткнувшимися на них мальчишками.

¹ *Раки* — крепкий спиртной напиток, настоящий на анисовом корне.

Люди, что зарабатывают на жизнь поиском византийских монет и пустых консервных банок, выброшенных на берег штормами, начнут собирать вещи, некогда вынесенные в море селевыми потоками, которые крушили деревянные дома в прибрежных поселках: кофемолки, облепленные водорослями часы с кукушками и черные пианино, закованные в броню из мидий. А я однажды в полночь проберусь сквозь колючую проволоку в эту новоявленную преисподнюю, чтобы отыскать черный «кадиллак».

Этот черный «кадиллак» был любимой игрушкой и гордостью бандита из Бейоглу (язык не поворачивается назвать его «гангстером»), за приключениями которого я следил тридцать лет назад, когда был начинающим репортером. Мне очень нравились два стамбульских пейзажа, украшавшие противоположные стены холла в принадлежавшем ему притоне. В то время во всем Стамбуле такой машиной могли похвастаться только миллионер Дагделен, сколотивший состояние на строительстве железных дорог, да табачный король Маруф. Мы, газетчики, превратили этого бандита в подобие легендарного героя, а описание последних часов его жизни печатали с продолжением целую неделю. Однажды в полночь, когда на хвост ему села полиция, он погнал свой «кадиллак», в котором находилась также его любовница, к мысу Акынтыбурну. Там — одни говорят, что под воздействием гашиша, другие, что осознанно, — он направил автомобиль в море, словно разбойник, погоняющий коня к пропасти, и сгинул вместе с ним в темных водах Босфора. «Кадиллак» несколько дней искали водолазы, но безрезультатно, и вскоре о нем забыли и газетчики, и читатели. Но я примерно знаю, где он может находиться.

Да, он должен быть там, в глубинах новой котловины, некогда именовавшейся Босфором, на дне устланной непросохшим илом пропасти, где лежат сапоги без пары и семьсот лет назад сделанные башмаки, в которых поселились крабы, где валяются вперемешку верблюжьи кости и бутылки с письмами, написанными неведомым возлюбленным. Если миновать склон, заросший лесом губок и мидий, среди

которых поблескивают алмазы, серьги, золотые браслеты и бутылочные крышки, там он и будет. Немного поодаль от прогнившего остова баржи, приспособленной на скорую руку под героиновую лабораторию. Там, где песок, усеянный устрицами и прочими моллюсками, обильно орошен кровью лошадей и ослов, зарезанных подпольными производителями колбасы.

Разыскивая автомобиль в безмолвном мраке, пропитанном запахом падали, ловя краем уха сигналы машин, доносящиеся с шоссе, что прежде именовалось Прибрежным, а теперь более напоминает дорогу в горах, я повстречаюсь с останками дворцовых заговорщиков, до сих пор скрюченных в три погибели в мешках, в которых они были утоплены, и со скелетами православных священников с привязанными к ногам ядрами и зажатыми в руках крестами и жезлами. Увидев голубой дымок, выходящий из перископа английской подводной лодки, которая собиралась торпедировать пароход «Гюльджемаль», перевозивший солдат с пристани Топхане в Чанаккале¹, да запуталась винтом в рыбацких сетях, врезалась в поросшую водорослями скалу и легла на дно, я пойму, что перископ стал печной трубой, а саму субмарину, построенную некогда в доках Ливерпуля, превратили в свое новое обиталище наши сограждане, которые выкинули прочь останки англичан с распахнутыми от удущья ртами и теперь преспокойно пьют вечерний чай из китайских фарфоровых чашек, сидя в обитых бархатом капитанских креслах. Немного поодаль из тьмы покажется ржавый якорь броненосца, принадлежавшего к флоту кайзера Вильгельма. Мне подмигнет перламутровый телеэкран. Я увижу остатки разграбленной генуэзской казны, мортiry с забитым илом стволом, покрытых мидиями идолов давным-давно сгинувших государств и племен, перевернутую латунную люстру с разбитыми лампочками. Спускаясь все ниже по склону, то глинистому, то каменному, я пройду мимо скелетов прикованных к веслам рабов, терпеливо созер-

¹ Чанаккале — крепость, охраняющая вход в пролив Дарданеллы.

цающих звезды. Запутавшиеся в водорослях ожерелья, очки и зонтики я, вероятно, вниманием не удостою, зато на мгновение испуганно остановлюсь перед рыцарями-крестоносцами в броне и полном вооружении, что до сих пор восседают на остовах упрямо стоящих великолепных коней. И тогда я с ужасом пойму, что эти рыцари в покрытых мидиями доспехах охраняют черный «кадиллак», застывший подле них.

Медленно, почтительно и робко, словно спрашивая разрешения у стражников-крестоносцев, я подойду к «кадиллаку», время от времени озаряемому невесть откуда идущим неверным фосфорическим светом. Я попробую отворить дверцу, но заросший мидиями и морскими ежами автомобиль не пустит меня внутрь; не сдвинутся и заклиненные зеленоватые окна. Тогда я достану из кармана шариковую ручку и попытаюсь обратным ее концом расчистить фисташково-зеленый слой тины на стекле.

В полночь я зажгу в этом жутком волшебном мраке спичку и увижу в отблесках ее огонька на отливающих металлом, как доспехи крестоносцев, никелированных циферблатах и великолепном руле, что скелеты бандита и его любовницы застыли в поцелуе на переднем сиденье, что она обнимает его тонкими руками в браслетах и пальцы на ее руках унизаны кольцами. Не только челюсти, но и сами черепа будут навеки спаяны в этом бессмертном поцелуе.

И тогда, не зажигая новой спички, я побреду назад, к городским огням, думая, что вот он — лучший и самый счастливый способ встретить смерть в час катастрофы, и с тоской взыву к своей далекой возлюбленной: милая, прекрасная, печальная моя! Страшный час настал, приди ко мне, приди, где бы ты ни была: в кабинете ли, где плавают клубы табачного дыма, на кухне ли, пропахшей луком и стираным бельем, в голубой ли неприбранной спальне; пора, приди ко мне! Настало время скрыться в безмолвии полутемной комнаты с задернутыми шторами, чтобы забыть о надвигающейся страшной беде; мы изо всех сил обнимем друг друга и будем вместе ждать смерть.

ГЛАВА 3

Передай привет Рюйе

Мой дед называл их «семья».

Рильке

Утром того дня, когда от него ушла жена, Галип, поднимаясь с зажатой под мышкой газетой по лестнице делового центра на улице Бабыали, где располагалась его контора, думал о зеленой шариковой ручке, которую уронил в воды Босфора много лет назад, когда матери повезли их с Рюйей, больных свинкой, на лодочную прогулку. Вечером того же дня, изучая записку, оставленную Рюйей, он вспомнит, что ручка, которой она писала, была точно такой же, как та, что утонула в Босфоре. Утонувшую ручку Галипу двадцать четыре года назад на неделю дал Джеляль, заметив, что Галипу она очень нравится. Узнав, что ручка потерялась, Джеляль спросил, где именно она упала в воду, и, выслушав ответ, сказал: «Потерянной ее считать нельзя! Ведь мы же знаем, в каком месте Босфора она лежит». Входя в контору, Галип с удивлением вспомнил, что в тот «день катастрофы», о котором он только что прочитал во всех подробностях, Джеляль собрался расчищать фисташково-зеленую тину со стекла «кадиллака» не той самой ручкой, а другой, которую достанет из кармана. Ведь переключка предметов и явлений, разделенных годами, а то и столетиями, была одним из любимых приемов Джеляля, к которому он прибегал в своих статьях при любой возможности, — например, в грязи на дне будущей Босфорской долины у него рядом лежали византийские монеты с изображением Олимпа и крышки от газировки «Олимп». Возможно, дело в том, что память Джеляля и вправду стала сильно сдавать,

как он признался Галипу в одну из их последних встреч. «Когда сад памяти засыхает, — сказал он в тот вечер, — начинаешь трястись над последними деревцами и розами. Поливаешь их с утра до вечера, чтобы не засохли, и ласкаешь их, приговаривая: я помню, помню, — чтобы не забыть».

Галип знал от Джелиля, что через год после того, как дядя Мелих уехал в Париж, а Васыф вернулся назад с аквариумом, Отец и Дедушка съездили в адвокатскую контору дяди Мелиха на улице Бабыали, погрузили все вещи и папки с делами на телегу и перевезли их в свой дом в Нишанташи, где сложили на чердаке. Впоследствии, когда дядя Мелих, вернувшись из Магриба с новой женой-красавицей и Рюйсей, довел до разорения созданную им совместно с тестем компанию, торговавшую сушеным инжиром, а в семейное кондитерское и аптечное дело его не взяли, чтобы дядя Мелих и его не разорил, он решил снова заняться адвокатской практикой — и перевез все эти вещи в свою новую контору, чтобы было чем производить впечатление на клиентов. Через много лет, как-то вечером, с едкой насмешкой вспоминая прошлое, Джелиль рассказал Галипу и Рюйе, что среди явившихся в тот день грузчиков, вызываемых обычно для работы, которая требует особой аккуратности, вроде переноски холодильников или фортепиано, оказался один из тех, кто двадцать два года назад поднимал эти вещи на чердак, правда теперь уже без волос на голове.

А еще через двадцать один год после того, как Васыф, внимательно рассматривавший лысого грузчика, подал ему стакан воды, дядя Мелих согласился передать контору Галипу. По мнению отца Галипа, это произошло потому, что дядя Мелих боролся не с противниками своих подзащитных, а с самими подзащитными; мать же Галипа полагала, что дядя Мелих от переутомления выжил из ума и стал путать сборники законов, протоколы судебных заседаний и труды по юриспруденции с ресторанными меню и расписанием пароходов; а Рюйя думала, будто ее дорогой отец уже тогда догадывался, что Галип, в то время просто племянник,

станет мужем его дочери. Вместе с конторой Галипу достались и старые вещи: портреты западных юристов, чьи имена давно забылись, не говоря уже о заслугах; полувековой давности фотографии преподавателей юридического факультета (европейцы были запечатлены для потомков с непокрытыми головами, а эти — в фесках); папки с материалами судебных разбирательств, участники которых — и истцы, и ответчики, и судьи — давным-давно умерли; письменный стол, за которым когда-то по вечерам работал Джеляль, а по утрам его мать копировала выкройки платьев; и огромный черный телефон, стоящий на углу этого стола и похожий не столько на средство связи, сколько на тяжелое, громоздкое и зловещее орудие войны.

Иногда телефон звонил сам по себе; звонок у него был резкий и каждый раз заставлял Галипа испуганно вздрагивать. Черная как смоль трубка напоминала маленькую тяжелую гантель; когда набирали номер, диск издавал скрипучую мелодию, словно старые турникеты на пристани Каракёй, и телефон порой соединял вас с кем ему вздумается, игнорируя набранный вами номер.

Едва Галип набрал домашний номер, Рюйя сразу сняла трубку, и он удивился: «Ты уже встала?» Он был рад, что она находится теперь не в закрытом для посторонних саду своей памяти, а в обычном, всем знакомом мире. Галип представил себе стол, на котором стоит телефон, неприбранную комнату, Рюйю с трубкой в руках.

— Я оставил на столе газету, прочитала? Джеляль написал кое-что занятное.

— Не читала, — ответила Рюйя. — Который час?

— Ты поздно легла, да? — спросил Галип.

— Ты сам приготовил себе завтрак.

— Ну да, не хотелось тебя будить. А что тебе снилось?

— Поздно ночью я видела в коридоре таракана, — сообщила Рюйя и уверенным, но с нотками волнения голосом, словно диктор, извещающий моряков по радио о точном местонахождении замеченной в Черном море плавучей

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1. Как Галип впервые увидел Рююю	9
Глава 2. Когда отступят воды Босфора	24
Глава 3. Передай привет Рююе	30
Глава 4. Лавка Аладдина	52
Глава 5. Это чепуха	61
Глава 6. Дети мастера Бедии	74
Глава 7. Буквы горы Каф	82
Глава 8. Три мушкетера	103
Глава 9. За мной кто-то следит	115
Глава 10. Глаз	138
Глава 11. Память мы потеряли в кино	149
Глава 12. Поцелуй	162
Глава 13. Смотри, кто пришел!	170
Глава 14. Все мы ждем Его	183
Глава 15. Истории о любви, рассказанные снежной ночью .	194
Глава 16. Я должен быть самим собой	217
Глава 17. Вы меня узнали?	225
Глава 18. Тьма между домами	250
Глава 19. Город подает знаки	256

ЧАСТЬ II

Глава 1. Квартира-призрак	283
Глава 2. Не спится?	296
Глава 3. Кто убил Шамса Тебризи?	301
Глава 4. История о тех, кто не умеет рассказывать историй	320

Глава 5. Загадки на лицах	324
Глава 6. Палач и плачущее лицо	340
Глава 7. Тайна букв и забвение тайны	350
Глава 8. Затянувшаяся шахматная партия	366
Глава 9. Обретение тайны	376
Глава 10. Оказывается, ее герой — это я	395
Глава 11. Брат мой	399
Глава 12. Рассказ проник в зеркало	432
Глава 13. Я не сумасшедший, я всего лишь твой преданный читатель	439
Глава 14. Таинственные картины	465
Глава 15. Не рассказчик, а рассказ	471
Глава 16. История Шехзаде	489
Глава 17. Я, пишущий	512